

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ: РЕВОЛЮЦИЯ И ДЕМОКРАТИЯ, РЕВОЛЮЦИЯ И ПРОГРЕСС, ЦЕНА РЕВОЛЮЦИИ

Черноножкин Александр Васильевич

студент 3-го курса, бакалавр

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

г. Омск

THE REVOLUTION OF 1917 IN RUSSIA: REVOLUTION AND DEMOCRACY, REVOLUTION AND PROGRESS, PRICE REVOLUTION

Chernonozhkin Alexander Vasilyevich

3rd year student, bachelor

of Omsk state University name F. M. Dostoevsky, Omsk

Аннотация

Целью данной статьи является исследование причин и проблем революционного процесса в России 1917 года. В качестве метода используется сравнительный анализ историографии и мемуарной литературы 1920-х годов. Выводом данной статьи является обобщение анализа взглядов на революционный процесс в России и рассмотрение итогов революции.

Abstract

The purpose of this article is to study the causes and problems of the revolutionary process in Russia in 1917. The comparative analysis of historiography and memoir literature of the 1920s is used as a method. The conclusion of this article is a generalization of the analysis of views on the revolutionary process in Russia and consideration of the results of the revolution.

Ключевые слова: Революция, революционный процесс, цена революции, французская демократия, русская демократия, политические партии, русское крестьянство, белая эмиграция, П.Н. Краснов.

Key words: Revolution, revolutionary process, price of revolution, French democracy, Russian democracy, political parties, Russian peasantry, white emigration, P. N. Krasnov.

Рассуждая над вопросом демократичности русской революции, необходимо заметить, что сама революция была отмечена огромными социальными катаклизмами, в которые, волей судьбы, оказалась втянута Россия. Уже процессы в ходе первой русской революции до основания всколыхнули русское общество, став основным событием. Сюда относится: введение избирательного права, начало разработки конституции и, наконец, аграрные реформы П.А. Столыпина.

Но, начавшиеся процессы 1907-1913 года были прерваны сначала войной, а затем и революцией, которая стала более масштабной по охвату населения, втянув в себя всё общество. Но как показала практика, эта концепция была далека от реальности, ибо в среде большевиков уже изначально существовали объективные предпосылки агрессивности и радикализма, враждебности к «верхам» [1, с. 261].

Примером этому можно привести фрагмент образа воплощения идей РСДРП (б): «при осуществлении коммунизма исчезает государство в его целом и с ним вместе исчезает и демократия как часть государства. Пролетариат стремится к уничтожению классового деления, к полному уничтожению того, что принято называть государственным строем, а следовательно, и к уничтожению демократии.

Неприкосновенность личности... свобода слова и печати, свобода собраний и коалиций, уравнение женщин в правах с мужчинами, всеобщее избирательное право, парламентаризм – предрассудки меньшевиков Второго интернационала. Французская демократия – демократия эксплуатируемых классов, публично – правовое насилие рабочих и крестьян».

Уже в этих параметрах наблюдаются радикальные противоречия существующим тенденциям развития революции и демократии в России. Не случайно, как признавал впоследствии лидер меньшевиков Мартов, большевизм в России имел глубокую почву, которая отнюдь не была демократической. Встаёт вопрос о том, насколько большевики осознавали противоречие между провозглашаемой ими программой и реальным положением дел. Для Ленина, главного их теоретика, как убеждает логика его действий, этот вопрос всегда занимал второстепенное место, подчинённое главному – вопросу сохранения власти. Приступая к рассмотрению данной темы, можно отметить, что прогресс – это необходимая основа любого изменения, затрагивающего различные сферы жизни общества. Иначе можно сказать, что прогресс обусловлен сознательным выбором общественного развития, которое создаёт условия осознанной необходимости.

Правда, как свидетельствует исторический опыт, невозможно говорить об эволюционном процессе прогресса, так как процесс, в таком случае, становится слишком длительным, а условия меняются с течением времени. Тогда вперёд выходят революционные преобразования. Можно отметить, что, исходя из опыта, революция пробуждает в человеке развитость личностных начал, когда у него становится меньше возможностей манипулировать людьми, тем ближе становится общество к субъективному типу бытия [2, с. 167].

Во всяком случае, относительно структуры личностного начала революционного прогресса можно выделить:

1) интересы социальных сил, объективно являющихся носителями «исторической необходимости» или, напротив, противостоящие последней;

2) различные уровни ментальности классов, сословий, социальных страт, начиная с этнической, включая классовую, профессиональную, возрастную, гендерную, региональную;

3) теоретическое сознание данных социальных сил;

4) их обыденное сознание;

5) политическую организацию с её Программой, стратегией, тактикой;

6) лидеров теоретиков и политиков, включая их личностные характеристики разных уровней;

7) другие общественные организации данных социальных сил;

8) их политическое поведение;

9) всё отмеченное применительно к союзникам этих сил;

10) наконец, реальное информационное, материально-организационное, финансовое да и правовое обеспечение – более чем существенное обстоятельство для проявления возможностей и каких угодно высоких и ценных качеств и свойств того или иного субъекта политической, в частности революционной, борьбы [3, с. 191].

Тесно связана с вопросом о субъективном факторе революции исторического прогресса проблема прямого и зигзагообразного пути развития общества. В частности, незадолго до переломных событий 1917 года В.И. Ленин писал о том, что в условиях общенационального революционного кризиса «в сравнительно короткие промежутки времени столкновение борющихся общественных сил решает вопрос о выборе страной прямого или зигзагообразного пути развития на сравнительно очень продолжительное время».

Но если взглянуть на проблему прогрессивности революции через воспоминания представителей эмигрантской среды, то можно выделить вопрос о прогрессивности революции в возможность её обратного действия, возвращения к феодальным порядкам, во главе которых встанут «люди нового типа». Ярким примером этому для меня стал роман Петра Николаевича Краснова «Ненависть», написанный им в 1934 году.

«Всероссийский погром учинят, только не еврейский, а еврейскими руками разгромить всю Россию... Они хотят создать какую-то пролетарскую демократию...» хижин и рабочих кварталов». Все ложь! Ложь!.. Обман малых сих. На спинах их поедут негодяи интернационалисты, безбожники и прохвосты. Какое ужасное время!.. Война... И эти страшные, новые люди с новою нехристианскою, дьявольскою моралью» [4, с. 103].

Этот фрагмент чётко даёт понимание революционного «прогресса», что свидетельствует об отсутствии его в программе большевиков, разрушение традиционных устоев общества не ведёт к его прогрессивности. В целом же из-за широкого спектра причин даже у сторонников и носителей объективно самой прогрессивной тенденции-возможности может не хватать сил, чтобы обеспечить адекватное развитие общества по своему сценарию [5, с. 142]. Остаётся предоставить выбор пути самому народу по предпочтительному им прогрессивному пути развития.

Обращая внимание на революционные события в России, важно понимать, как они происходят.

Можно говорить о реализации «прямого пути», когда не удавалось привлечь союзников – большую часть народа, не удалось к тому же обеспечить «благожелательный» нейтралитет со стороны слоёв, не являющихся принципиальными противниками «исторической необходимости» [6, с. 60]. При этих обстоятельствах прорыв к прямому пути развития может оказаться далеко не лучшим, даже опасным вариантом.

Если речь о цене революции идёт в контексте социальном, тогда смысл её – в социальных реформах, эпохе социальных трансформаций, а они требуют знаний и профессионализма [7, с. 119]. Чем более сбережены силы социума, нации в переломную эпоху, тем основательнее база для действительной – не ущербной социальной революции, для успешного закрепления и развития общества уже в рамках новой социально-экономической, политической, духовной основе [8, с. 180].

Иными словами, можно говорить о влиянии цены революции на каждого представителя общества [9, с. 24]. Объективные предпосылки подобного развития событий, могут устраиваться в реальном повышении субъективного уровня как общества в целом, так и его членов, в реализации настоящего, всеохватывающего просвещения людей, для правильности понимания ими цены революции и выбора подходящего для них развития [10, с. 32].

Литература

1. Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987.
2. Гавлин М., Казакова Л. Современные буржуазные теории социальной революции. М., 1980.
3. Кантор К.М. История против прогресса. М., 1991.
4. Краснов П.Н. Ненависть. – М.: Вече, 2007.
5. Овчаренко В.И., Грицанов А.А. Социологический психологизм: Критический анализ. М.: Мысль, 1990.
6. Твардовская В., Итенберг Б. Н.К. Михайловский и К. Маркс: диалог о «русском пути» // Отечественная история. 1996. № 6.
7. Уоддис Дж. «Новые» теории революции. М., 1975.
8. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.
9. Шепелева В.Б. Реформы и революция в контексте некоторых соображений отечественной гуманитаристики // Общественная мысль, движения и партии в России XIX – XX вв.: Сб. науч. ст. / По материалам 4-й науч. конф... Брянск: БГУ, 2001. С. 21–26.
10. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций: Пер. с англ. М., 1999. С. 5–22, 23, 25–26, 30–37; Гл. 1; Гл. 6–8. Ч. I